№32 (962) 13.05—16.05.2004 г.

Нравятся люди, похожие по смене воздушных потоков на ласточек

Новая газ.-2004.-13-15 мая.-с. 21.

Режиссер Андрей ЖОЛДАК:

Я могу убить тему коммерции в театре

Юрий ЛИХАЦКИЙ

В Харькове жили Исаак Дунаевский и конструктор танков Абросимов. Родились поэты Слуцкий, Кульчицкий и Чичибабин. Учились Людмила Гурченко и Елена Яковлева. Отсюда Чиж и группа «Пятница». Здесь делают самолеты «АН» и бальзам «Спасатель». Последние полтора года Харьков славен тем, что здесь работает режиссер Андрей Жолдак. Он возродил театр «Березиль», созданный в 1922 году «украинским Мейерхольдом» Лесем Курбасом. Стал зарабатывать на билетах при цене от 3 до 50 долларов (на премьере) в зале на 800 мест. В других театрах города билеты стоят не дороже доллара. Ему иногда бьют витрины на фасаде театра и рвут афиши. Его театр роскошный, вызывающий, слишком красивый для сегодняшнего Харькова.

В Москве Жолдака узнали благодаря «Чайке», поставленной в Театре наций для сборной команды звезд — Татьяны Друбич, Юлии Рутберг, Дмитрия Харатьяна, Александра Балуева. Запомнили после спектакля «Один день Ивана Денисовича» на фестивале NET. И стали ездить в гости на премьеры.

Жолдак намерен продлить харьковский контракт в наступающем сезоне. У него вымуштрованная труппа, каждый участник которой по традиции европейских театров выполняет техническую работу в театре — администратора, шофера. У него есть финансовая поддержка и преданная аудитория. Однако сегодня, выпустив премьеру «Гольдони. Венеция» по мотивам «Слуги двух господ» (осенью покажут в Москве на фестивале NET), Жолдак весь в раздумьях о следующем витке своей жизни и карьеры. Идеальный театр, который мучил когда-то Антонена Арто, Гордона Крэга, многих других, сегодня жжет Жолдака.

— Вы живете в Харькове полтора года. Расскажите, как вас Харьков принимает.

— С моим приходом публика театра Леся Курбаса изменилась. На премьеру «Гольдони. Венеция» пришла публика модная — в Харькове есть круг, в котором прежно сказать: «Я был на премьере Жолдака». Моя публика — молодые люди, они меня радуют. А в целом контекст моей родины, Украины, меня не радует. Я чувствую себя здесь чужаком.

— В чем причина отрыва?

— Причин много. У меня были разные периоды, я прошел в том числе через украинский национализм в хорошем понимании этого слова, потому что я из древнего украинского рода. Сегодня у меня одна рука японская, половина туловища африканская, голова немецкая, а чувствую я по-советски. В этом сегодня моя драма — очень тесно в рамках того куба, в котором нахожусь. Сокровенно я мечтал бы работать с теми людьми, которые, как и я, занимаются театром поиска, исследуют возможности театрального эстетического экстремизма.

Люди, с которыми мне интересно, — это ассистент режиссера из Швейцарии Кристофа Марталера Стефани Карп, помощник главного режиссера берлинского «Фольксбюне» Франка Касторфа Карл и мой русский продюсер Павел Каплевич. Мы понимаем друг друга с полуслова. Мне нравятся люди, похожие по скорости принятия решений и смене воздушных потоков на ласточек. Я очень люблю репетиции с моими харьковскими актерами, но мне уже хочется двигаться дальше. Кроме таланта и желания играть, я хочу от актера соревнования, чтобы мы равно друг друга провоцировали. Как в романе с женщиной: чтобы я каждую секунду боялся актера потерять.

— Вы собираетесь оставаться в Харькове или станете гражданином мира?

— В ноябре буду продлевать контракт. Я хочу, чтобы те четыре с половиной спектакля, которые я здесь поставил, жили еще какое-то время *(«Гамлет. Сны», «Один день Ивана Денисовича», «Месяц любви» по «Месяцу в деревне» Тургенева, «Гольдони. Венеция» по «Слуге двух господ» и «Четыре с половиной» — третий акт Гольдони, играется отдельно. — Е.В.)*. Меня сейчас часто приглашают по всему миру, и спектакли помогают мне найти зрителей, установить с ними контакт. Если спектаклей нет, я сразу попадаю в каменный мешок.

— Какие предложения вам делали зарубежные театры?

— Буду ставить большой спектакль в Швейцарии, Люцерне, копродукцию с театром Шаушпильхаус, где работал Марталер. Они хотят Стриндберга, но такой выбор материала продолжает то направление, в котором я двигаюсь сейчас. Галина Волчек предложила мне сделать проект в «Современнике». Петербургский театр-фестиваль «Балтийский дом» предложил в течение двух лет подумать о постановке — в наступающем сезоне они выпускают на своей сцене «Песнь песней» Някрошюса.

Берлинский «Фольксбюне» зовет меня сейчас. Они говорят: «Сделай спектакль, который еще никогда нигде не делал». Вспоминая эти слова, я пьянею. Там работают актеры-волкодавы, звезды. Хочу сделать с ними спектакль-цунами. Я сейчас в поисках идеального — актера, театра, спектакля. Идеальный спектакль представляется мне горой, на вершине которой — холод и лед, ниже — цветущие травы, а у подножия — песок.

Идеальный актер парит орлом около горы. Если какая-нибудь девочка, проезжая мимо на машине, выглянет в окно, увидит эту картину, и она ее кольнет, запомнится и как-то повлияет на ее дальнейшую жизнь и историю души, я буду счастлив. Я чувствую в себе такую потенцию *(стучит по столу. — Е.В.)*, что выстрою эту гору. В «Гольдони. Венеция» видно только 30 процентов того, что я видел внутри себя. Сейчас мне нужны такие театры и продюсеры, которые были бы готовы рисковать по-крупному, чтобы сто процентов моих внутренних картин стали видны всем.

Мне неинтересно обслуживать театр, актера, чужие амбиции или деньги. Могу сделать большой спектакль без денег. Убить тему коммерции вообще.

— Пресса сделала вас главным персонажем авангардного театра постсоветского пространства, назвала режиссером-взрывателем. Вам это мешает или скорее раззадоривает?

— Мешает. Приклеен ярлык, как на овощ в супермаркете. Я себе и актерам говорю, что мы должны каждые два-три года меняться: менять способ существования, способ играть, ставить спектакли. Как в японском театре — актер через определенное время берет другое имя и сам становится другим. Это полезно и правильно. Западные продюсеры, не зная моего клейма, воспринимают меня «девственнее», чем зрители дома.

— От спектакля к спектаклю ваши актеры все больше похожи на заводных кукол, великолепных, но холодных.

Почему вас так привлекает идея актера-сверхмарионетки, которую сто лет назад выдумывал Гордон Крэг?

— В финском языке нет слов «он» и «она». Есть «оно». В связи с этим у них, наверное, нарушены психика и самоидентификация пола, но эта история очень ложится на мой подход к актеру. «Оно» должен быть и не мужчиной, и не женщиной. В «оно» стираются и национальные признаки. Мне сегодня это интересно.

С другой стороны, Кира Муратова, когда приезжала смотреть спектакли, высказалась так: «Я никогда не смогу работать в театре». «Почему?» — «Потому что я, как и ты, вылизываю каждый кадр, но один раз, и снимаю его навсегда. Никакой актер или пьяный монтировщик его не нарушит. Ты зависишь от тысячи обстоятельств. А искусство — это колоссальная точность».

Я хочу этой колоссальной лазерной точности, как в прожилках зеленого листа, сотворенного Богом. Актер-сверхмарионетка может к ней приблизиться.

— У вас в труппе есть пожилые актеры и маленькие дети. Как они воспринимают вашу жесткую систему тренинга? *(Для актеров Жолдак проводит тренинги «Как убить артиста», которые приближают их к состоянию сверхмарионетки. — Е.В.)*

— Это актерские дети, они все равно в театре болтались. Нашу старенькую Лилю мы вернули в штат буквально сегодня. Когда рядом с ней на сцене маленькая Марселла, они — как старое дерево с богатой кроной и кизиловый росточек рядом. Получается роскошный сад: объем, запах, цветение.

— В чем уникальность театра, который у вас в голове?

— Это мой идеальный театр. Я его приближаю. Вижу его минут пять в день. Описать его пока не могу — высказав несделанное, лишу себя иммунитета.

— В коридоре возле вашей приемной висит цитата из Ницше о том, что на нас в гораздо большей степени влияет то, что с нами *не* происходит. Что же с вами не происходит?

— Слишком много того, что оттягивает моего ангела. Творческого ангела. Слишком много бытовых ниток *(в театре «Березиль» Жолдак совмещает должности художественного руководителя и генерального директора; занимается проводкой отопления etc. — Е.В.)*. Это иллюзия, что нам раз и навсегда дан талант. Если художник что-то нарушает, использует данное ему не по назначению, это бьет по его творчеству. Я корректирую сейчас свое человеческое существование, перекодирую его.

— Вы хотите быть народным режиссером, любимцем публики?

— Не-ет. Раньше хотел, сейчас это прошло. Сейчас хочу одного — чтобы я в тишине, покое и любви мог делать театр, который я вижу. Если бы ты увидела на компьютере, сколько придуманного я не успеваю сейчас сделать, ты сказала бы мне, что я — самоубийца.

● Екатерина ВАСЕНИНА

> *«Сегодня у меня одна рука японская, половина туловища африканская, голова немецкая, а сам я из древнего украинского рода»*